

Харе плотнее закутался в одежду. От мягкого, заботливого голоса Гето у него предательски зашекотало в носу.

«Мамочка...»

Он быстро-быстро заморгал, сдерживая подступающие слёзы, и поспешно натянул на лицо улыбку:

— Да я просто хотел поскорее закончить с заданием и вернуться, вот и забыл совсем...

— Ну и погодка, аномалия чистой воды. Почти май на дворе, а валит как посреди зимы... — Сатору прыгнул с ветки. Снежинки бессильно отскакивали в паре сантиметров от его тела, словно он был облачён в невидимый дождевик.

У стоявших перед ним брюнетов волосы уже побелели от падающего снега. Протянув руку, Годжо шутливо щёлкнул Сугуру по чёлке. Почувствовав пальцами ледяную влагу, он указал в сторону причала:

— Давайте-ка на корабль. С остальным разберутся вспомогательные кураторы. Ещё немного, и вы двое превратитесь в рождественские ёлки. Даже интересно, какими гирляндами вас украсить?

Беловолосый парень загорелся этой идеей так искренне, будто и впрямь вознамерился бежать за разноцветными лампочками.

Харе привычно пропустил мимо ушей дурачества отца.

— Корабль? — удивлённо переспросил он.

В такой поздний час рейсы уже должны были прекратиться.

— По дороге сюда мы изучили отчёты о задании, — мягко пояснил Гето. — Похоже, всё это подстроено человеком. А там, где замешана личная выгода, дела всегда принимают скверный оборот. Сатору резонно рассудил: узнай жители деревни, что именно ты изгнал их «Божественного духа деревьев», они вряд ли проникнутся к тебе благодарностью. Вот он и подготовил судно, чтобы мы могли сразу уйти.

Кое о чём Сугуру умалчивал. И он, и Годжо подозревали, что тот самый молодой торговец древесиной, упомянутый в бумагах, — не кто иной, как преследуемый ими проклинатель.

Если за ниточки дёргал действительно он, ситуация усложнялась в разы. Это означало, что мерзавец ещё год назад начал собирать паству ради подпитки собственной силы. А значит,

подобных гнёзд по стране могло быть без счёту.

Почему он затаился на такое долгое время, но стоило Харе показаться на горизонте, как тут же пошёл вразнос? К тому же... те лазурные глаза под маской. И это тихое, отчаянное «мама»...

Мысли Гето путались. По пути на остров он твёрдо решил расспросить Харе обо всём начистоту, подозревая, что малец что-то скрывает. Но стоило увидеть его в куцей, насквозь промокшей одежде и с покрасневшими от холода босыми ногами, как все заготовленные вопросы вылетели из головы.

«Ладно, это подождёт. Не к спеху».

Закончив объяснение, Сугуру раскрыл ладонь. Перед ними материализовалось бурое безволосое проклятие, отдалённо напоминающее тощую гончую.

— Садись на него, — мягко скомандовал Гето, кивнув на призванного духа.

Если парень потащится вниз по склону босиком под непрекращающимся снегопадом, то точно сляжет с лихорадкой.

К слову, среди всего зверинца Гето это существо было едва ли не самым безобидным на вид. Он специально выбирал кого-нибудь посимпатичнее, чтобы не напугать Харе. И плевать, что пасть твари разевалась до самого затылка, а пара выпученных глаз торчала прямо на макушке.

Вкусы у них двоих совпали на редкость удачно. Ничуть не смутившись, Харе потрепал духа по лысой голове, ловко вскочил на его спину и последовал за старшими, которые уже спускались по тропе в обход деревни.

Перед тем как скрыться в лесной чаще, малец оглянулся на жилые дома. Прежде погружённая во мрак деревушка теперь светилась десятками окон, а ветер доносил оттуда неясные отголоски криков и яростных споров.

Интересно, что теперь будет с теми пособниками старосты, которые помогали держать соседей в узде? И почему проклятый объект, скрытый в теле монстра, так легко растворился внутри него самого? А главное — как вообще люди способны калечить и предавать своих же ради пачки банкнот?

Харе погрузился в раздумья, хмурия лоб, но его уединение прервал Сатору. Заслонив собой унылый пейзаж, долговязый маг весело щёлкнул пальцами прямо перед его носом:

— Слышь, малец, отличные новости: на борту тебя ждёт каштановый торт Монблан со взбитыми сливками!

Глаза у Харе вспыхнули. Рот мгновенно наполнился слюной, а все экзистенциальные страдания уступили место мыслям о нежнейшем сливочном креме. Сложные думы испарились без следа — теперь ему хотелось лишь одного: оказаться на палубе как можно скорее.

Спустя четверть часа кавалькада добралась до причала. Спрыгнув с полутораметрового монстра, Харе застыл на месте, ослеплённый видом пришвартованного у пирса судна. Это была роскошная бело-золотая яхта.

Трёхпалубная красавица длиной футов под сто пятьдесят щеголяла панорамным остеклением, за которым угадывались очертания просторной кают-компания и обеденной зоны. Дорогой деревянный паркет устилали мягкие ковры, кожаные диваны благородного кремового оттенка манили уютом, а хрустальные люстры сияли подобно россыпи бриллиантов.

На верхней палубе обустроили открытую террасу с шезлонгами под тентами, откуда винтовая лестница спускалась к небольшому бассейну на корме. Широкий бак, очерченный мягкой неоновой подсветкой, плавно покачивался на тёмных волнах под падающим снегом. Зрелище было по-настоящему величественным и дорогим.

— Обалдеть... — только и смог выдать Харе, во все глаза разглядывая это чудо инженерной мысли. Он-то наивно полагал, что их заберёт захудалый рейсовый катер.

— Хороша игрушка, правда? — раздался рядом залиvistый смех Годжо.

Харе обернулся. Его непутёвый отец сиял от гордости, щура пронзительно-голубые глаза. В его открытой, бесшабашной улыбке сквозило чистое мальчишество:

— Вообще-то это моя личная посуда. Обычно из-за работы до неё руки не доходят, но сегодня выдался отличный повод её обкатать!

Годжо первым взошёл на трап. Выстроившиеся на палубе вышколенные стюарды тут же синхронно склонились в глубоком поклоне:

— Рады приветствовать вас, молодой господин Годжо.

При этом сам «молодой господин» выглядел максимально неформально. Из-за спешного отъезда из солнечной префектуры Канадзава он даже не накинул куртку от форменной одежды Технической школы магии, оставшись в одной простой белой рубашке, которая выгодно подчёркивала его широкие плечи и высокий рост.

Шагавший следом Гето тоже ограничился лёгкой форменной рубашкой, плотно заправленной под широкий тёмный пояс, выгодно очерчивающий его подтянутую фигуру. Двое магов о чём-то негромко переговаривались, их силуэты тонули в мягком сиянии палубных огней.

Эта кинематографичная картина — два безупречных профиля в обрамлении снегопада — врезалась в память Харе ярким слайдом. В груди шевельнулась щемящая тоска.

«Если бы они тогда не разошлись... жили бы мы сейчас так же тихо и счастливо, как обычная семья?»

«Знаешь, когда-нибудь я вырву твои зенки, просто чтобы разузнать, из какого дерьма они сделаны. Какого хрена они постоянно на мокром месте?» — раздался в голове глумливый голос Сукуны.

«Я не плачу!» — мысленно огрызнулся Харе.

Король проклятий лишь презрительно фыркнул, посчитав спор ниже своего достоинства.

Внутри яхта оказалась на редкость просторной. Парня сразу же проводили в каюту и отправили отмокать в ванную. Изрядно продрогший на горном ветру, он едва не замурлыкал от удовольствия, погрузившись в горячую воду. Кровь прилила к лицу, и на бледных щеках выступил здоровый румянец.

Уткнувшись подбородком в бортик ванны, он блаженно прикрыл глаза.

— Эх... Отец такой крутой. И матушка заботливая... Всё это похоже на какой-то сказочный сон, мать его...

В своей прошлой жизни, в качестве главы великого клана Годжо, ему приходилось терпеть ежедневные нотации от старейшин. Эти хитрые маразматики прекрасно знали, на какие рычаги давить. Стоило им сокрушённо вздохнуть: «Вы позорите имя своего великого отца, молодой господин», как Харе мгновенно умирал свой буйный нрав и становился шёлковым.

Выбравшись из воды распаренным и довольным, он переоделся в чистую хлопковую юкату, а сверху набросил традиционный жакет хаори, который ему заботливо передал Гето.

Это был роскошный жакет цвета старого золота, украшенный изящной вышивкой в виде летящих журавлей. Харе заворожённо провёл ладонью по плотной ткани широкого рукава.

«Мама подарила... — на его лице сама собой расплзлась глуповатая улыбка. — Надо носить аккуратно, ни в коем случае нельзя испачкать».

В приподнятом расположении духа малец направился в обеденную зону, где его уже поджидали старшие маги, также успевшие сменить промокшую одежду на просторные домашние кимоно.

От обоих веяло приятной свежестью и теплом после купания. Когда они уселись за стол, покают-компания разлилась столь мощная аура безупречной юношеской красоты, что прислуга попросту робела поднимать глаза.

Убедившись, что с Харе всё в порядке, Гето заметно расслабился. Его тёмные волосы были небрежно собраны на затылке, а несколько свободных прядей обрамляли точёные скулы, спускаясь по шее к полураспахнутому вороту кимоно.

Подперев щеку рукой, он с мягкой улыбкой наблюдал за тем, как двое его спутников уплетают сладкое.

Изысканный каштановый торт Монблан красовался на тарелке миниатюрной башенкой. Его вершину венчал крупный глазированный каштан, присыпанный тончайшим сусальным золотом, а у основания высились сугробы нежнейшего крема шантильи. Даже просто от одного запаха этого десерта во рту становилось приторно.

Гето никогда не разделял страсти друга к сладкому. А тут ещё и новоиспечённый корабельный шеф-повар, из кожи вон лезший, чтобы угодить молодому хозяину, бахнул в тесто и крем поистине летальную дозу сахара.

— Су-гу-ру-у...

Гето вздрогнул, выплывая из задумчивости. Годжо позвал его вкрадчивым, тягучим голосом. Сугуру поднял глаза и тут же утонул в бездонной лазури Шести глаз.

Бестия успел незаметно избавиться от очков. Его взгляд, чистый и невероятно притягательный, лучился неприкрытым лукавством. Гето наивно полагал, что за годы дружбы давно выработал иммунитет к этой неземной красоте, но каждый раз неизменно ловил себя на том, что заворожённо любит им.

Сатору заговорщицки подмигнул, взмахнув пушистыми белыми ресницами. С задорной ухмылкой он подцепил ложечкой изрядную порцию крема и протянул другу:

— Ну же, открой ротик! А-а-ам...

Будто с неразумным младенцем нянчился.

Жертва чужого очарования послушно и совершенно бездумно приоткрыла рот. В ту же секунду язык обожгло приторной сладостью, сквозь которую внезапно пробился...

— Постой, Сатору, — Гето резко округлил глаза от осознания. — Здесь же ром! Ты что...

У белобрысого мага, чей организм категорически не переносил алкоголь даже в гомеопатических дозах, но который уже успел умять добрую половину десерта, глупо вытянулось лицо:

— А?

— С тобой всё в...

Договорить Гето не успел. Раздался глухой стук — сидевший рядом Харе, наевшийся каштанового чуда от пуза, плашмя рухнул лбом на столешницу. В его остекленевших глазах застыла бесконечная пустота, а щёки запылали пунцовым румянцем.

Оставшиеся в сознании маги недоуменно переглянулись.

— Чего-о-о?

<http://bllate.org/book/19043/1959794>